

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.4.8>

UDC 81'271.2
LBC 81.006

Submitted: 30.05.2025
Accepted: 07.07.2025

NON-COOPERATIVE SPEECH BEHAVIOUR, OR “ANTI-POLITENESS ETIQUETTE”¹

Galina I. Kustova

Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia

Abstract. The article examines anti-politeness strategies that are based on the rejection of the principle of cooperation and the politeness strategies associated with it. Non-cooperative behaviour, in the same way as the cooperative one, has its own variety of speech formulas (*How should I know?; I don't follow them!; They don't report to me!; How much longer?!; Nobody's asking you! etc.*), which are used in certain situations. Anti-politeness strategies employ the same mechanisms (indirect speech acts, implicative schemes) as politeness strategies do. The main strategies of anti-politeness are interrogative (– *Where did they go? – How should I know?*) and negative (– *Where did they go? – They don't report to me / I don't follow them*). Both strategies are based on the implication: “no source of information / I don't follow → I don't know.” The main types of non-cooperative formulas are: a reaction to unreliable, erroneous, unconvincing information/statements/conclusions; a reaction to the interlocutor's incorrect hypothesis about the speaker's awareness; a reaction to intellectual immaturity; a reaction to abuse of power (a reaction to an inappropriate question; a reaction to an unreasonable request; a reaction to inappropriate advice); a reaction to incorrect supposition. The analysis of non-cooperative formulas enables reconstructing an important extract of the Russian language picture of the world, i.e. the rules of communication and requirements for the interlocutor.

Key words: principle of cooperation, speech etiquette, speech aggression, speech formulas, implicative strategy, indirect speech act.

Citation. Kustova G.I. Non-Cooperative Speech Behaviour, or “Anti-Politeness Etiquette”. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Языкоzнание* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2025, vol. 24, no. 4, pp. 91-103. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.4.8>

УДК 81'271.2
ББК 81.006

Дата поступления статьи: 30.05.2025
Дата принятия статьи: 07.07.2025

НЕКООПЕРАТИВНОЕ РЕЧЕВОЕ ПОВЕДЕНИЕ, ИЛИ «ЭТИКЕТ АНТИВЕЖЛИВОСТИ»¹

Галина Ивановна Кустова

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, г. Москва, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются стратегии антивежливости, которые базируются на отказе от принципа кооперации и связанных с ним стратегий вежливости. Некооперативное поведение, как и кооперативное, имеет свой арсенал устойчивых формул (*Откуда я знаю?!; Я за ними не слежу!; Они мне не докладывают; Сколько можно?!; Тебя никто не спрашивает!* и под.), которые употребляются в определенных ситуациях. Стратегии антивежливости используют те же механизмы (косвенные речевые акты, импликативные схемы), что и стратегии вежливости. Основные стратегии антивежливости: вопросительная (– *Куда они уехали? – А я откуда знаю?*) и отрицательная (– *Куда они уехали? – Они мне не докладывают / Я за ними не слежу*). Обе стратегии базируются на импликации: ‘нет источника информации / не слежу → не знаю’. Основные типы некооперативных формул: реакция на недостоверные, ошибочные, неубедительные сообщения / утверждения / умозаключения; реакция на неверную гипотезу собеседника о знаниях © говорящего; реакция на интеллектуальную незрелость; реакция на превышение полномочий (реакция

на неуместный вопрос; реакция на необоснованную просьбу; реакция на неуместный совет); реакция на неправильное предположение. Результаты анализа некооперативных формул позволяют реконструировать важный фрагмент русской языковой картины мира – представления о правилах общения и требований к собеседнику.

Ключевые слова: принцип кооперации, речевой этикет, речевая агрессия, речевые формулы, имплицативная стратегия, косвенный речевой акт.

Цитирование. Кустова Г. И. Некооперативное речевое поведение, или «этикет антивежливости» // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкоzнание. – 2025. – Т. 24, № 4. – С. 91–103. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.4.8>

Введение

Существует большое количество источников, посвященных стратегиям и установкам вежливости в коммуникации. Так, например, в работе Т.В. Лариной [Ларина, 2009] представлен обзор, где вежливость соотносится с постулатами общения [Lakoff, 1973] и с прагматическими компетенциями, представлениями о социальной дистанции, индивидуализме и коллективизме, личном пространстве.

Выдвигается и формулируется множество установок (максим) вежливого общения: хвали собеседника, порицай себя, увеличивай выгоду слушающего, соглашайся с ним [Leech, 1983, р. 67]. Если рассматривать эти рекомендации вне контекста и не знать заранее, что именно обсуждается, не так легко понять, чем они отличаются от других моделей коммуникации – общения прислуги с хозяином, подчиненного с начальником, заключенного с охранником и т. п.

Впрочем, есть и другая концептуализация пространства вежливости, где противопоставляется сближение и дистанцирование, и последнее уже предполагает сохранение лица, дистанцию, независимость, личную автономию [Brown, Levinson, 1987; Scollon R., Scollon S., 1983; 2001; Ларина, 2009].

Изучение стратегий вежливости неизбежно приводит к необходимости исследовать и противоположный полюс – стратегии, к которым применимы такие характеристики, как антивежливость, фамильярность, коммуникативное давление, грубость, травля, разжигание конфликта, агрессия (об антивежливости и агрессии см.: [Агрессия..., 2004; Брагина, 2018; Карасик, 2018; Китайгородская, Розанова, 2008; Крысин, 2004; Ларина, 2009; Розина, 2018; Стернин, Шилихина, 2001; Шаронов, Козодаева, 2018; Шатуновский, 2016; Щербинина, 2006]).

Описание стратегий вежливости и антивежливости требует учета множества факторов (параметров коммуникации), таких как, например: возраст собеседников; степень знакомства или родства; дружеские, враждебные или нейтральные отношения между ними; положение в социальной иерархии; установка общения (неформальное общение, деловая коммуникация, публичное выступление и т. п.); наличие / отсутствие аудитории (помимо адресата). Изменение значений этих параметров может существенно поменять оценку высказывания с точки зрения вежливости / антивежливости. Например, если человек подчеркнуто вежливо, с использованием официальных этикетных формул обращается к друзьям или близким, это может вызвать недоумение или даже обиду.

Очень важен контекст общения: насмешка, язвительное замечание или даже угроза не всегда равнозначны агрессии – так, если угроза является реакцией на агрессивное поведение, то она может быть правомерной.

Наконец, огромное значение в устной речи играет интонация: безупречно вежливая реплика, сказанная язвительным тоном, может быть обидной и даже оскорбительной. Изменение интонации с дружелюбной на агрессивную порой превращает сдержанный ответ (пусть даже содержащий скрытый упрек), например: [–*Где Иванов?*] – *Ну, откуда я могу это знать?*, в коммуникативную атаку, агрессивный выпад, наносящий собеседнику психологический ущерб (особенно если внести небольшие лексические изменения): [–*Где Иванов?*] – *Я-то откуда знаю?! / А я откуда знаю?! / А что ты у меня-то спрашиваешь?*

Именно потому, что существует множество тонких градаций, которые не «захватываются» терминами «вежливость – антивежливость / агрессия», мы будем, наряду с этими

более конкретными терминами, использовать более общие термины «кооперативность» / «некооперативность» (в соответствии с пониманием, восходящим к Г.П. Грайсу [1985]), которые вмещают большой диапазон разных степеней вежливости / невежливости / агрессивности.

Материал и методы

В данной работе речь идет о некооперативном речевом поведении. В работе использовался метод аудиофиксации спонтанной устной речи носителей языка, а также корпусный метод. Материалом послужили записи разговорной речи и примеры, извлеченные из Национального корпуса русского языка (НКРЯ). Основное внимание уделялось материалу из основного корпуса (поскольку размещенные там художественные тексты включают имитацию устной речи) и корпуса устной речи.

Результаты и обсуждение

Антивежливость как проявление некооперативности

Некооперативность в широком смысле – это **отказ от сотрудничества**. Сотрудничество (принцип кооперации) предполагает, прежде всего, следование постулатам общения («Говори необходимо; не говори лишнего»; «Не говори того, что считаешь ложным»; «Не отклоняйся от темы»; «Выражайся ясно»). Сам Г.П. Грайс, как известно, не включал принцип «Будь вежлив» в список коммуникативных постулатов, а относил его к «постулатам иной природы» (эстетическим, социальным, моральным) [Грайс, 1985, с. 223]. Однако, как показали дальнейшие исследования стратегий вежливости, эти стратегии имеют фундаментальную связь с принципом кооперации, так как постулаты общения предопределяют те коммуникативные импликатуры, на которых базируется теория косвенных речевых актов. Предлагаемый этой теорией анализ языковых форм (формул) вежливости в значительной мере основан на принципе кооперации, постуатах общения и коммуникативных импликатурах [Серль, 1986; Гордон, Лакофф, 1985].

Поэтому есть все основания дополнить принцип кооперации принципом вежливости, а отказ от соблюдения требований вежливости считать некооперативностью (некооперативным речевым поведением).

Мы выбрали именно этот – максималь но общий – термин «некооперативность», поскольку он вмещает в себя самые разные варианты намеренного (или ненамеренного) отказа от сотрудничества, в том числе отказа от соблюдения правил вежливости. Если стратегии вежливости обычно связывают с сознательной установкой говорящего, то в случае антивежливости, некооперативности это не обязательно. Вообще говоря, значения всех (или многих) из этих параметров общения в каждом конкретном случае могут быть установлены. Мы ограничимся собственно языковым материалом. Будем исходить из того, что если говорящий уже выбрал некоторую коммуникативную стратегию, конкретное языковое выражение, то с этого момента его высказывание должно оцениваться с точки зрения кооперативности / некооперативности безотносительно к первоначальному намерению автора. Если говорящий не получает отпора, он переходит все новые «красные линии», и его манера общения становится все более грубой или даже агрессивной, при том что у него нет такой цели. Особенno благоприятно для такого понижения стандартов непринужденное бытовое общение или общение с людьми, которые так или иначе зависят от говорящего.

Мы не будем разбирать психологический механизм такого «коммуникативного падения», понижения уровня самоконтроля и кооперативности. В нашу задачу не входит исследование установок говорящих, отношений между ними, условий коммуникации. Вообще говоря, значения всех (или многих) из этих параметров общения в каждом конкретном случае могут быть установлены. Мы ограничимся собственно языковым материалом. Будем исходить из того, что если говорящий уже выбрал некоторую коммуникативную стратегию, конкретное языковое выражение, то с этого момента его высказывание должно оцениваться с точки зрения кооперативности / некооперативности безотносительно к первоначальному намерению автора.

**«Арсенал агрессии»,
или «этикет антивежливости»**

Итак, постулаты речевой кооперации, сформулированные последователями и единомышленниками Г.П. Грайса [Гордон, Лакофф, 1985; Серль, 1986], включают, в частности, требование вежливости.

Кажется, что некооперативное, агрессивное речевое поведение – это просто несоблюдение, нарушение правил вежливости и, шире, правил кооперации. С точки зрения этики это действительно так, но с точки зрения языка все наоборот: в случае некооперативного речевого поведения говорящий – сознательно или неосознанно – выбирает определенную стратегию и определенные языковые средства ее реализации. В этом смысле он тоже действует по правилам, но по другим (подобно тому, как господин Журден говорил про зой, но не догадывался об этом). Он не соблюдает правил вежливости, но, так сказать, соблюдает «правила агрессии».

Правила этикета, в том числе речевого, отражаются в специальных пособиях; речевому этикету нужно обучать (обучаться), владение речевым этикетом – результат сознательного усвоения правил и приобретения навыков.

Существует определенный набор языковых средств (речевых формул, оборотов, моделей), выраждающих кооперативное поведение, в котором важное место занимают формулы вежливости, ср.: *Не могли бы вы...; Я бы просил...; Было бы желательно...; Было бы очень любезно с вашей стороны...; Я был бы чрезвычайно признателен, если бы вы... и т. д.*

Однако у агрессии тоже есть свой «арсенал» языковых средств, который тоже состоит из совершенно определенных формул, клише, устойчивых оборотов и синтаксических моделей. Носитель языка (с определенного возраста) владеет этим арсеналом независимо от того, обучал ли его кто-то принципам некооперативного поведения и реализует ли он эти принципы в своей речи.

Носитель языка знает, какие средства входят в арсенал вежливости, а какие – в арсенал антивежливости. Именно поэтому он может выбрать режим общения – кооперативный или некооперативный.

**Кооперативные
и некооперативные стратегии:
сходство до степени смешения**

В кооперативном речевом поведении широко используются косвенные речевые акты – такие высказывания, которые по форме относятся к одному иллоктивному типу, а по функции – к другому. Хрестоматийным примером косвенного речевого акта является побуждение в форме вопроса: *Не могли бы Вы передать мне соль?* (= ‘передайте, пожалуйста, соль’), ср.: [Серль, 1986, с. 201].

Данная форма косвенного речевого акта – вопрос – соответствует стратегии вежливости, так как служит для смягчения побуждения, которое в форме императива звучит слишком категорично и может оказаться негативное воздействие на адресата (стратегии смягчения побуждения в английской языковой культуре подробно рассматриваются, например, в [Ларина, 2009, с. 262–307]).

Другой хрестоматийный пример: *Зачем красить твой дом в пурпурный цвет?* [Гордон, Лакофф, 1985, с. 288]. Здесь вопрос скрывает за собой замечание, недоумение и имплицирует, что говорящий считает выбор собеседника неудачным, неадекватным. Однако делать человеку прямое замечание, сомневаться в оптимальности его поведения или решения, выступать с критикой – это невежливо. Вместо этого можно задать вопрос, который выражает завуалированные сомнения в правильности решения или поступка, но не содержит прямого осуждения.

Таким образом, вопрос как форма косвенного речевого акта служит для того, чтобы смягчить негативное воздействие – либо самого жанра (упрек, критика, замечание, порицание), либо грамматической формы (побуждение в форме императива). Принцип смягчения воздействия на адресата реализуется не только в вопросах, но и, например, в замене изъявительного наклонения на сослагательное: *Я прошу – Я бы просил; Я хочу – Я бы хотел; Желательно + инф. – Было бы желательно + инф.* В целом такие стратегии можно охарактеризовать как **импликативные**, или косвенные: говорящий использует косвенные высказывания, которые имплицируют определенную информацию, и адресат должен

вывести эту информацию из исходной вежливой формулы.

Парадокс, с которым мы сталкиваемся при описании некооперативного поведения, состоит в том, что некооперативное (в том числе агрессивное) речевое поведение использует те же самые стратегии, что и кооперативное.

Одна из основных стратегий некооперативного речевого поведения, как и кооперативного, – **импликативная**: говорящий вместо прямых высказываний использует косвенные.

Кроме того, некооперативное речевое поведение имеет свой набор устойчивых речевых формул (клише). Разумеется, некооперативные высказывания имеют другое лексическое наполнение, специфические показатели (ср.: *Ты что, Р?*) и соответствующую интонацию, однако построены они по тем же языковым моделям, что и формулы вежливости. Одна из важных моделей здесь – вопрос (как форма косвенного побуждения или как риторический вопрос).

Таким образом, одни и те же языковые модели и стратегии используются и как инструмент вежливости, для смягчения воздействия, и как инструмент агрессии – чтобы **усилить отрицательное воздействие** на адресата, увеличить отрицательный эффект от реплики (например, вместо нейтрального *Я не знаю* можно ответить *Откуда я знаю?!*, и это будет нарушением постулата вежливости).

Некооперативное речевое поведение имеет своего рода «этикет» – общепринятые способы выражения недовольства собеседником, способы негативного воздействия на него – не обязательно с целью коррекции его дальнейшего поведения, иногда это просто способ «выплеснуть» свое раздражение, негативные эмоции. «Этикет» здесь, разумеется, надо заключить в кавычки, тем не менее это именно система правил и система языковых средств, которыми в той или иной степени владеют говорящие.

Некооперативное поведение, как и кооперативное, жестко регулируется, и «формулы антивежливости» обычно употребляются в определенных ситуациях: ответ типа *Откуда я знаю?;* *Что ты привязался?;* *Отстань от меня со своими дурацкими вопросами*

и под. обычно встречается в разговоре с ребенком, родственником, близким знакомым, но не в разговоре с начальником / командиром, официальным лицом, представителем силовых органов, незнакомым человеком.

Сразу оговоримся, что у одной и той же формулы могут быть разные степени (уровни) агрессии. Отвечая *Откуда я знаю?!*, человек не всегда намеревается выразить недовольство (но это все равно некооперативный ответ). Однако та же реплика может быть эмоциональной атакой, агрессивным выпадом: *Да что ты привязался?! Откуда я знаю?!*

Уровень агрессии, эмоциональный накал в значительной степени выражается интонацией. Мы, естественно, не имеем возможности фиксировать и анализировать интонацию, поскольку нашим материалом являются письменные тексты. Поэтому далее мы не будем различать степени агрессивности, а будем рассматривать все примеры данного типа как некооперативное поведение.

Мы не располагаем статистикой, но при анализе языкового материала складывается впечатление, что формул вежливого обращения относительно немного, а формул агрессивного – значительно больше.

Например, чтобы вежливо поторопить кого-то, можно сказать:

Ты не мог бы собираться побыстрее?

Нейтральное *Что ты так долго?*, в зависимости от интонации, может быть и вежливым поторопливанием, и упреком.

А чтобы выразить недовольство тем, что человек слишком долго собирается, есть множество разных способов:

Можно побыстрее? / А побыстрее нельзя?
Ты что, заснул?
Что ты возишься / копаешься [как черепаха]?!
Сколько можно тебя ждать?
Да когда же ты соберешься?
Ты хочешь, чтобы мы из-за тебя опоздали?

Вопрос как реакция на высказывание собеседника – не единственная форма некооперативного поведения, могут использоваться и побудительные формы, ср.: *Отстань от меня со своими дурацкими вопросами / предложениями / замечаниями.*

Тем не менее очень большое количество агрессивных формул построено по модели вопроса, как видно даже из приведенных выше примеров. Поэтому следует признать: вопрос как косвенный речевой акт широко используется не только для смягчения побуждения или смягчения критики, но и с противоположной целью – для усиления критики и негативного воздействия на адресата, для выражения недовольства, раздражения:

Как ты разговариваешь с учителем?!
Ты что, оглох?!
Что стоишь? / Что встал?
Тебе какое дело?! / Тебе-то что?!
Как тебе не стыдно?!
Тебе что, больше всех надо?!
А тебя кто спрашивает?!
Кто тебя просил [делать / говорить Р]?!
А ты куда смотрел?!
Сколько можно Р?! / До каких пор ты будешь Р?! / Опять ты Р?!
Сколько это будет продолжаться?! / Когда это закончится?
Неужели нельзя было [прийти пораньше / заранее предупредить...]?!
Ты что, с ума сошел / с дуба рухнул?!

Такие примеры можно умножать, чего мы, в силу ограниченности объема статьи, делать не будем, но заметим, что приведенные фразы имеют устойчивый характер, воспроизводятся и в этом смысле относятся к фразеологии – в широком понимании, поскольку во фразеологический фонд языка входят не только идиомы, но и семантически прозрачные устойчивые выражения (И.А. Мельчук называет их прагматемами, ср.: *Курсив мой; По газонам неходить* и под. [Иорданская, Мельчук, 2007, с. 234–236]), – которые, как и идиомы, обычно являются лингвоспецифичными и различаются от языка к языку (мы сейчас отвлекаемся от вопроса о том, что одна и та же формула может быть не только упреком, но и жалобой, например: *Когда же это кончится?!*).

Импликативные (косвенные) стратегии не случайно так широко распространены как в арсенале вежливости, так и в арсенале агрессии. Языковые модели, используемые в косвенных речевых актах (например, вопросительные или побудительные), сами по себе, независимо от степени их вежливости или аг-

рессивности, сильнее воздействуют на адресата, чем «нейтральные» сообщения: сообщение адресат может проигнорировать, оно обычно не требует ответной реакции. Вопросы (или побуждения), по определению, предполагают реакцию – тем самым они сильнее «задевают» адресата, привлекают его внимание, их труднее проигнорировать.

**Требования к коммуникации
(реконструкция фрагмента
языковой картины мира на основе типов
некооперативных / агрессивных реакций)**

В работе В.З. Санникова о союзе *но* показано, что высказывания с *но* базируются на общепринятых представлениях о нормальном ходе вещей и позволяют эти представления реконструировать [Санников, 1986]. Например:

Он целый день **ходил** по лесу, **но не нашел** ни одного гриба.

В данном случае союз *но* фиксирует несоответствие ожиданиям, нарушение нормального (с точки зрения человека) хода вещей: если человек потратил время и силы, он ожидает получить какой-то результат, а в реальности имеет место противоположное. Подобные ожидания являются общепринятыми и «защиты» в языковую картину мира, поэтому такие употребления союза *но* кажутся естественными, и замена союза *но* в условиях, когда общепринятые ожидания нарушаются, на другой союз вызывает семантический сбой, ср.: *Был страшный ливень, и он пошел гулять* – поскольку общепринятым ожиданием в такой ситуации будет «остаться дома», но это ожидание нарушено, употребление союза *и* кажется неестественным, в отличие от союза *но*: *Был страшный ливень, но он все равно пошел гулять* (дальнейшие исследования отношений, выражаемых противительными и уступительными союзами см.: [Урысон, 2011; Апресян, 2015]).

Типы некооперативных / агрессивных реакций на реплики собеседника (в том числе в виде устойчивых речевых формул) также могут служить источником для реконструкции важного фрагмента языковой картины мира – ожиданий, которые есть у говорящего по поводу речевого или неречевого поведения других

участников коммуникации; требований, которые предъявляются к собеседнику; общих представлений о правилах коммуникации.

Хотя агрессивные формулы некооперативны, их использование говорящий обычно оправдывает тем, что собеседник нарушает его ожидания, правила общения, и это вызывает негативную ответную реакцию. Парадокс состоит в том, что говорящий, считая, что собеседник нарушил нормы, требования к «правильной» коммуникации, и выражая свое недовольство (а также стремясь скорректировать речевое поведение собеседника), при этом сам нарушает принципы кооперации и постулаты вежливости, то есть пытается достичь благих целей сомнительными методами.

Наряду с вопросительными некооперативными формулами говорящие могут использовать и невопросительные модели, за которыми также стоит отказ от сотрудничества, отказ от использования стратегий вежливости:

(1) – Нет ее, уехала, – с ехидной улыбкой произнесла соседка. У Сазонова упало сердце. – Куда? – **Мне не докладывают**. – Давно? Тетка пожала плечами: **Я ни за кем не слежу**, молодой человек (НКРЯ: Татьяна Моспан. Подиум. 2000);

(2) Позвонила Алине. Соседка **мерзким голосом** ответила: «Их нет дома, **они мне не докладывают**, куда ходят...» – и бросила трубку (НКРЯ: Ольга Новикова. Женский роман. 1993).

Оба типа формул (вопросительный и невопросительный) реализуют имплицативную стратегию: они содержат тот же смысл, что и в нейтральном ответе, но не в явном виде, а в виде импликации, которую собеседник должен извлечь. В данных примерах собеседник должен вывести смысл ‘не знаю’: ‘они мне не докладывают, куда уходят, поэтому я не знаю’, ‘я ни за кем не слежу, поэтому не знаю, кто где находится’.

Вопросительные реплики тоже содержат импликацию:

Откуда я знаю? ≈ ‘Чтобы знать об X-е Р, нужно иметь источник информации (например, сообщение самого X-а, результат наблюдения и т. п.), у меня нет такого источника информации, поэтому я не знаю’.

Кроме того, такие «реактивные риторические вопросы», как их называл И.Б. Шатуновский, то есть вопросы, которые являются реакцией на неодобряемое действие или выска-

зывание другого человека (ср. *Вы что, не видите, что я занят?*; *Дверь я буду закрывать?*; *Откуда я знаю?*), содержат «заряд осуждения» [Шатуновский, 2016, с. 222].

Иногда некооперативные реплики – вопросительная и невопросительная – образуют своего рода пары (что естественно, так как за экспрессивным вопросом часто скрывается отрицание):

Кто тебя спрашивает?! (А тебя кто спрашивает?!)
VS Тебя никто не спрашивает

Кто тебя просил?! VS Тебя никто не просил!

Кто тебе разрешил?! VS Тебе никто не разрешил!

Ср. также:

– Где Маша? – **Я что, за ней слежу?** / **Я за ней не слежу!**

– Куда пошла Маша? – **Она мне что, докладывает?** / **Она мне не докладывает!**

Кажется, что вопросительная стратегия требует от собеседника больше усилий, чем невопросительная. На извлечение нужного смысла из невопросительной импликативной формулы требуется один шаг: *Я не слежу* → ‘поэтому не знаю’; на извлечение смысла из вопросительной формулы требуется два шага: *Я что, слежу?* → ‘я не слежу’ → ‘поэтому не знаю’. Поскольку такая формула требует больших усилий и поскольку вопрос сам по себе является, как уже говорилось, более «сильным» речевым актом, – он обращен к собеседнику и требует немедленной реакции, – то можно предположить, что вопросительная стратегия воздействует сильнее и чаще используется как более эффективное средство воздействия на собеседника.

Далее мы переходим к обзору речевых формул, который покажет, какие представления о требованиях к коммуникантам, обязанностях участников коммуникации, адекватном поведении отражены в этих формулах и, следовательно, в русской языковой картине мира.

Параметры высказывания: требования к собеседнику и поводы для агрессии

Каждый тип речевого акта имеет определенный набор параметров: сообщения мо-

гут быть истинными или ложными; информативными или неинформативными; вопросы могут быть уместными или неуместными; просьбы – обоснованными или необоснованными; кроме того, речевые акты содержат разные типы информации – ассерцию, пресуппозицию, импликацию, исходное предположение вопроса, условия успешности (см.: [Падучева, 1985]), и каждый из этих параметров может служить объектом критики.

Далее мы рассмотрим некоторые параметры речевых и неречевых действий, на которые часто обращены некооперативные (в том числе агрессивные) реакции.

1. Реакция на недостоверные, ошибочные, неубедительные утверждения / умозаключения. Исходя из постулата ‘говори правду’, то есть ‘сообщай достоверную информацию’, говорящий может негативно реагировать на недостоверную информацию – или на такую информацию, которая ему кажется неправдоподобной, ни на чем не основанной, непроверяемой. Часто такой информацией являются не факты, а выводы, умозаключения собеседника. Поэтому реплики данного типа направлены не только на речевой аспект коммуникации, но и на ментальный: собеседник обвиняется в том, что слабо владеет логикой и правилами логического вывода, и потому пришел к неверному умозаключению / предположению:

Что за глупости / ерунда / чушь / бред?!

С чего ты взял?!

Откуда ты это взял / откуда ты взял эту глупость (чушь / ерунду)?!

Откуда ты знаешь?!

Кто тебе сказал? / Кто тебе сказал такую ерунду / чушь / глупость?!

Последняя формула предполагает, что поскольку информация недостоверная, собеседник получил ее из ненадежного источника.

(3) – Ну как, старик, сможешь помочь? – Да ты что, Стас?!.. **С чего ты взял?..** Нашел целителя... (НКРЯ: Владимир Вещунов. Перекат // Дальний Восток. 2019);

(4) Я посмотрел: оказывается, рубашка у меня была грязная. Что это? — прошептала она. – Улица Лабораториум, да? **Глупости какие**, – громко сказал я. – **С чего ты взяла?** (НКРЯ: Василий Аксенов. Пора, мой друг, пора. 1963).

Формула *С чего ты взял?* не обязательно эквивалентна опровержению, это может быть вопрос об источнике информации или об основании для умозаключения:

(5) – Неужели ты не понимаешь, что это твой враг! – воскликнула Елена Сергеевна. – **С чего ты взяла?** – удивился Михаил Афанасьевич (НКРЯ: Аркадий Мацанов. Мастер и подмастерье (2016) // Ковчег. 2015).

Однако эта формула все равно предполагает, что говорящий сомневается в надежности источника (и, скорее всего, не согласен с самим тезисом).

Теоретически вопрос *С чего ты взял?* может подразумевать, что говорящий действительно интересуется ходом мысли собеседника, то есть интересуется, как собеседник пришел к такому выводу:

(6) – Надолго уезжаешь? – **С чего ты взяла?** – **Вещей много берешь.** (НКРЯ: Поляков Ю. М. Любовь в эпоху перемен. 2015).

Чаще это все-таки непрямое утверждение ‘ты ошибаешься’.

Другие формулы того же ряда:

(7) – Но, кажется, нас зовут обедать. – **Откуда ты взял?** Я ничего не слышал (НКРЯ: Фазиль Искандер. На даче // Знамя. 1999).

Эта формула не полностью «законсервировалась», и глагол сохраняет управление:

(8) Вы, – говорит, – посмотрите на свои каркаули, в них можно разобраться? **Откуда вы взяли эти цифры?** С потолка? (НКРЯ: Анатолий Рыбаков. Тяжелый песок. 1975–1977);

(9) – Если б у меня была такая холодная голова, как у вас... – **Откуда вы взяли, что** у меня холодная? (НКРЯ: Александр Солженицын. В круге первом (1968) // Новый Мир. 1990);

(10) **Откуда ты взял, что** она твоя дочь? – зло сказала Фаина Марковна (НКРЯ: Аркадий Мацанов. В следующем году в Одессе! // «Ковчег», 2013).

На примере оборота *Кто тебе / вам сказал?* легко проследить, как обычный нейтральный вопрос постепенно превращается в некооперативную формулу.

Первая фаза – прямой вопрос об источнике информации:

(11) – Мама, – начал я, проклиная себя за дрожь в голосе, – я знаю, что отец оставил завещание... не в нашу пользу... – **Кто тебе сказал?** – не сводя с меня пристального взгляда, спросила мать. – Какая разница – кто! – воскликнул я (НКРЯ: Вера Белоусова. Второй выстрел. 2000).

Вторая фаза – говорящий спрашивает об источнике информации и одновременно выражает удивление и недоверие к этому источнику, так как сама информация кажется сомнительной:

(12) – А на голову не обращайте внимания, не имеет отношения, – ответил буфетчик, – на голову плюньте, она здесь ни при чем. Рак печени, прошу остановить. – Да позвольте, **кто вам сказал?** – Верьте ему, – пламенно попросил буфетчик, – уж он знает. Ничего не понимаю, – пожимая плечами и отъезжая с креслом от стола, говорил профессор. **Как же он может знать**, когда вы помрете. **Тем более, что он не врач!** (НКРЯ: Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. 1929–1940).

Указание на недостоверность, ошибочность информации может сопровождаться содержательным комментарием:

(13) – Я даже не компьютеры имею в виду – **народ там более законопослушный**. – **Кто вам это сказал?** Все точно так же: если есть малейшая возможность сэкономить хотя бы полдоллара, каждый бизнесмен это сделает, не моргнув глазом (НКРЯ: Итоги. 13.01.2003).

В зависимости от интонации, у формулы *Кто вам сказал?*, как и у других формул этой группы, широкий прагматический диапазон – от опровержения сообщаемого до скрытой насмешки над интеллектуальной незрелостью собеседника.

Разумеется, арсенал вопросительных реплик-реакций на неправильное предположение не ограничивается приведенными, ср.:

– Может быть, ее украли? – Да кому она нужна?! –

‘пропавшая вещь никому не нужна, поэтому ее не могли украсть’.

Подобные импликации основываются на более общих представлениях о мире и закономерностях поведения людей: ‘обычно крадут такие вещи, которые для кого-то представляют ценность – данная вещь не представляет ценности (никому не нужна) – по-

этому трудно представить, зачем кому-то ее красть’.

2. Реакция на неверную гипотезу собеседника о знаниях говорящего. Если обратиться с вопросом к человеку, который не знает ответа на этот вопрос, это приведет, как минимум, к коммуникативной неудаче – спрашивающий не получит информации. Кроме того, он может получить еще и «порцию агрессии» или более слабое, но тоже некооперативное высказывание:

(14) – Когда убирать-то начнут? – спрашиваю дворника. – **А я откуда знаю?** – удивляется он. – Я за мусор не отвечаю (НКРЯ: Новая газета. 25.09.2018);

(15) – Меня никто и не приглашал. – Вас не пригласили?! – Нет. – Почему? – **Ну а я откуда знаю?** Я вам говорю о факте (НКРЯ: Московский комсомолец. 23.03.2016);

(16) – Что от вас требовали сказать? – **Откуда я знаю.** Они завуалированно спрашивали (НКРЯ: Новая газета. 08.04.2016).

3. Реакция на интеллектуальную незрелость. К перечисленным формулам примыкает другая группа формул, которые уличают адресата в некритичности, излишней доверчивости, неумении отличать достоверную информацию от недостоверной, от обмана, розыгрыша, шутки, фейка (– *Он сказал Р. – И ты поверили?! / А ты и уши развесил?!?*):

(17) – Откуда знаешь? спросила я. – Мне Светка говорила. – Сама? – Конечно. – **А ты поверили?** **Какой ты наивный**, Шурик! Она же тебя **разыграла!** (НКРЯ: Екатерина Завершнева. Высотка. 2012).

Формулы *И ты поверили?! / А ты и поверили...* являются более мягким способом опровержения, чем откровенно агрессивные *А ты слушай больше / А ты и уши развесил*, но все равно намекают на недостаточную интеллектуальную зрелость: говорящий ставит себя в более высокую позицию, а собеседника – в позицию «наивного» простака или ребенка, не знающего жизни, не умеющего отличить ложь от правды.

4. Реакция на превышение полномочий / неадекватную самооценку:

1) реакция на неуместный вопрос: собеседник запрашивает информацию, на по-

ГЛАВНАЯ ТЕМА НОМЕРА

лучение которой, по мнению говорящего, не имеет права:

– Где ты это взял? – **Тебе-то что?; Тебе какое дело?; А тебе не все равно?**

2) реакция на необоснованную просьбу: собеседник просит о чем-то таком, на что не имеет права, что рассматривается как превышение полномочий и недооценка статуса говорящего:

– Сделай Р. – **А шнурки тебе не погладить?; Может, тебе еще полы помыть?**

3) реакция на неуместный совет, рекомендацию, предложение:

Тебя кто-нибудь спрашивает?! / А тебя кто спрашивает?! / А тебя спрашивают?! / Да кто тебя (его) спрашивает?!

Только тебя не спросили!
Тебя никто не спрашивает!
Не лезь со своими советами!
Без твоих советов обойдемся!

Многие из этих предложений могут быть и реакцией на несанкционированное вмешательство в разговор.

Постулаты «Не спрашивай о том, что тебя не касается»; «Не проси того, на что не имеешь права» отсутствуют в перечне постулатов Грайса. Тем не менее это важные постулаты общения, нарушение которых нередко вызывает раздражение и пресекается агрессивными репликами.

Иногда раздражение вызывает завышенная самооценка собеседника:

– Может, меня назначат руководителем департамента? – А председателем совета директоров ты не хочешь? / А почему не министром? / А может, сразу министром?

– По-моему, за мной следят. – Да **кому ты нужен?!** / Да **кто ты такой**, чтобы за тобой следить?!

5. Реакция на непонимание или недопонимание простого и очевидного. Говорящий предполагает, что собеседник должен быстро понимать то, что очевидно, что несложно понять; не должен затрудняться делать выводы, которые, по мнению говорящего, «сами напрашиваются»:

Дошло наконец?!
Неужели так трудно понять?!
Ты что, совсем тупой?!
Да что тут непонятного?!
Ну, теперь ты понял?!

6. Реакция на неспособность отличать главное от второстепенного, важное от неважного, на неправильную оценку значимости того или иного события:

Да какое это имеет значение?
Да какая разница?
Ну и что же?
И что с того?

7. Реакция на неправильный анализ ситуации: – **Да что ты выдумал?!** / **Да что ты придумал?!** и др.

(18) – Видимо, нет, – вздохнул Двинягин, – по крайней мере, для нас с Аствацатуровым. – И как же вы их разбираете? – По алфавиту. – **Чушь какая!** – возмутился Трубинский. – **Кому это нужно?** (НКРЯ: Запись LiveJournal. 2004);

(19) – Простите, гражданочка, – вдруг обратился Василий Степанович к девице, – кот к вам черный не заходит? – **Какой там кот?** – в злобе закричала девица, – осел у нас в филиале сидит, осел! (НКРЯ: Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. 1929–1940).

8. Реакция на неправильную реконструкцию намерений и приоритетов говорящего собеседником:

– Ты что, не поехал на дачу? / Ты поедешь на дачу? – Да **что я там забыл?!** / Мне что, **больше делать нечего?!** / Да **что там делать?!** / Да **на что она мне сдалась?!**

Как видно из последних примеров, говорящие могут требовать от других участников коммуникации не только правильно анализировать текущие события и видеть их скрытые механизмы, но даже правильно предугадывать их желания, намерения и приоритеты (что является, безусловно, завышенным требованием). Тем не менее говорящие этого нередко ожидают от близких друзей и родственников, и неспособность к правильному прогнозу тоже иногда вызывает раздражение и агрессивную реакцию.

9. Реакция на избыточную или неинтересную информацию. Близким к предыдущему является ожидание / требование, чтобы собесед-

ник сообщал только интересную, важную информацию, в получении которой говорящий действительно заинтересован. В противном случае может последовать негативная реакция:

Мне это не интересно / Меня это не интересует / не волнует / Мне все равно / Мне-то что / Не знаю и знать не хочу.

Проявлением вежливости со стороны собеседника было бы выслушать информацию, в идеале добавив реплики вида: *Да что вы говорите?!*; *Надо же!*; *Подумать только!*; *Очень интересно!* – хотя это как будто бы противоречит постулату искренности (впрочем, неискренняя вежливость – вполне типичная ситуация).

Заключение

Как показывают стандартные (хотя и недружественные, некооперативные, а иногда и прямо агрессивные) реакции на разные аспекты речевых актов, говорящие предъявляют к собеседникам в основном вполне разумные требования. В целом это те самые требования речевой кооперации, которые описаны в постулатах Грайса, – с некоторыми расширениями и дополнениями. Раздражение и недовольство, вызванные тем, что собеседник эти требования не соблюдает, в каком-то смысле справедливы и обоснованы. Другое дело, что рассмотренный арсенал речевых формул используется для чрезмерной, излишне раздражительной, недостаточно уважительной реакции на слова собеседника, что, в свою очередь, нарушает фундаментальные принципы коммуникации.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РНФ 25-18-00222 «Контроль и подъем в языках Евразии», реализуемого в Государственном институте русского языка имени А.С. Пушкина.

The work was supported by the Russian Science Foundation grant 25-18-00222 “Control and Uplift in the Languages of Eurasia”, implemented at the Pushkin State Institute of the Russian Language.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Агрессия в языке и речи, 2004 / сост. и отв. ред. И. А. Шаронов. М. : РГГУ. 281 с.

Апресян В. Ю., 2015. Уступительность. Механизмы образования и взаимодействия сложных значений в языке. М. : Яз. слав. культур. 285 с.

Брагина Н. Г., 2018. Вежливость как антивежливость: на стыке разных культурных норм и правил // Вежливость и антивежливость в языке и коммуникации. М. : РОССПЭН. С. 38–44.

Гордон Д., Лакофф Дж., 1985. Постулаты речевого общения // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. М. : Прогресс. С. 276–302.

Грайс Г. П., 1985. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. М. : Прогресс. С. 217–237.

Иорданская Л. Н., Мельчук И. А., 2007. Смысл и сочетаемость в словаре. М. : Яз. слав. культур. 665 с.

Карасик В. И., 2018. Вежливость и антивежливость в сетевом дискурсе // Вежливость и антивежливость в языке и коммуникации. М. : РОССПЭН. С. 104–114.

Крысин Л. П., 2004. Можно ли по речи узнать интеллигента? // Общественные науки и современность. № 5. С. 157–164.

Китайгородская М. В., Розанова Н. Н., 2008. «Ты, Зин, на грубость нарываешься...» (инвективные стратегии в современном городском общении) // Фонетика и нефонетика. К 70-летию Сандро В. Кодзасова. М. : Яз. слав. культур. С. 617–730.

Ларина Т. В., 2009. Категория вежливости и стиль коммуникации: сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М. : Руко. памятники Древ. Руси. 507 с.

Падучева Е. В., 1985. Высказывание и его соотнесенность с действительностью (Референциальные аспекты семантики местоимений). М. : Наука. 271 с.

Розина Р. И., 2018. Анатомия хамства // Вежливость и антивежливость в языке и коммуникации. М. : РОССПЭН. С. 225–233.

Санников В. З., 1986. Значение союза *но* : Нарушение «нормального» положения вещей // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. № 5. С. 433–444.

Серль Дж. Р., 1986. Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. М. : Прогресс. С. 195–222.

Стернин И. А., Шилихина К. М., 2001. Коммуникативные аспекты толерантности. Воронеж : Истоки. 135 с.

Урысон Е. В., 2011. Опыт описания семантики союзов : Лингвистические данные о деятельности сознания. М. : Яз. слав. культур. 336 с.

Шаронов И. А., Козодаева М. А., 2018. Невежливость и «антивежливость»: две мишени речевого этикета // Вежливость и антивежливость

в языке и коммуникации. М. : РОССПЭН. С. 292–299.

Шатуновский И. Б., 2016. Речевые действия и действия мысли в русском языке. М. : Яз. слав. культур. 477 с.

Щербинина Ю. В., 2006. Вербальная агрессия. М. : КомКнига. 355 с.

Brown P., Levinson S. D., 1987. Politeness: Some Universals in Language Usage. Cambridge : Cambridge University Press. 345 p.

Lakoff R., 1973. The Logic of Politeness, or, Minding Your P's and Q's // Papers from the Ninth Regional Meeting of the Chicago Linguistics Society. Chicago : [s. n.]. P. 292–305.

Leech G. N., 1983. Principles of Pragmatics. L. ; N. Y. : Longman. 250 p.

Scollon R., Scollon S., 1983. Face in Inter Ethnic Communication//Language and Communication. L. : Longman. P. 156–188.

Scollon R., Scollon S., 2001. Intercultural Communication. A Discourse Approach. Oxford : Blackwell Publisher Ltd. xiv, 316 p.

ИСТОЧНИК

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/>

REFERENCES

Sharonov I.A., ed., 2004. *Agressiya v yazyke i rechi* [Aggression in Language and Speech]. Moscow, RGGU. 281 p.

Apresyan V.Yu., 2015. *Ustupitelnost. Mekhanizmy obrazovaniya i vzaimodeystviya slozhnykh znacheniy v yazyke* [Concessionality. Mechanisms of Formation and Interaction of Complex Meanings in Language]. Moscow, Yaz. slav. kultur Publ. 285 p.

Bragina N.G., 2018. Vezhlivost kak antivezhlivost: na styke raznykh kulturnykh norm i pravil [Politeness as Anti-Politeness: At the Intersection of Different Cultural Norms and Rules]. *Vezhlivost i antivezhlivost v yazyke i kommunikatsii* [Politeness and Anti-Politeness in Language and Communication]. Moscow, ROSSPEN Publ., pp. 38-44.

Gordon D., Lakoff G., 1985. Postulaty rechevogo obshcheniya [Conversational Postulates]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike. Vyp. 16* [New in Foreign Linguistics. Iss. 16]. Moscow, Progress Publ., pp. 276-302.

Grice H.P., 1985. Logika i rechevoe obshchenie [Logic and Conversation]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike. Vyp. 16* [New in Foreign Linguistics. Iss. 16]. Moscow, Progress Publ., pp. 217-237.

Iordanskaya L.N., Melchuk I.A., 2007. *Smysl i sochetayemost v slovare* [Meaning and Compatibility in the Dictionary]. Moscow, Yaz. slav. kultur Publ. 665 p.

Karasik V.I., 2018. Vezhlivost i antivezhlivost v setevom diskurse [Politeness and Anti-Politeness in Internet Discourse]. *Vezhlivost i antivezhlivost v yazyke i kommunikatsii* [Politeness and Anti-Politeness in Language and Communication]. Moscow, ROSSPEN Publ., pp. 104-114.

Krysin L.P., 2004. Mozhno li po rechi uznat intelligenta? [Is It Possible to Recognize an Intellectual by His Speech?]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost* [Social Sciences and Modernity], no. 5, pp. 157-164.

Kitaygorodskaya M.V., Rozanova N.N., 2008. «Ty, Zin, na grubost naryvaeshsya...» (invektivnye strategii v sovremennom gorodskom obshchenii) [“You’re Asking for Rudeness, Zina...” (Injective Strategies in Modern Urban Communication)]. *Fonetika i nefonetika. K 70-letiyu Sandro V. Kodzasova* [Phonetics and Non-Phonetics. On the 70th Anniversary of Sandro V. Kodzasov]. Moscow, Yaz. slav. kultur Publ., pp. 617-730.

Larina T.V., 2009. *Kategoriya vezhlivosti i stil kommunikatsii: sopostavlenie angliyskikh i russkikh lingvokulturnykh traditsiy* [Category of Politeness and Communication Style: Comparison of English and Russian Linguacultural Traditions]. Moscow, Rukop. pamyatniki Drev. Rusi Publ. 507 p.

Paducheva E.V., 1985. *Vyskazyvanie i ego sootniesennost s deystvitelnostyu (Referentialnye aspekty semantiki mestoimeniy)* [Utterance and Its Relation to Reality: Referential Aspects of Semantics of Pronouns]. Moscow, Nauka Publ. 271 p.

Rozina R.I., 2018. Anatomiya khamstva [Anatomy of Boorishness]. *Vezhlivost i antivezhlivost v yazyke i kommunikatsii* [Politeness and Anti-Politeness in Language and Communication]. Moscow, ROSSPEN Publ., pp. 225-233.

Sannikov V.Z., 1986. Znachenie soyuza no: Narushenie «normalnogo» polozheniya veshchey [Meaning of the Conjunction But: Violation of the “Normal” State of Affairs]. *Izvestiya AN SSSR. Seriya literatury i yazyka* [News of the USSR Academy of Sciences. Series of Literature and Language], no. 5, pp. 433-444.

Searle J.R., 1986. Kosvennye rechevye akty [Indirect Speech Acts]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike. Vyp. 17* [New in Foreign Linguistics. Iss. 17]. Moscow, Progress Publ., pp. 195-222.

Sternin I.A., Shilikhina K.M., 2001. *Kommunikativnye aspekty tolerantnosti* [Communicative Aspects of Tolerance]. Voronezh, Istoki Publ. 135 p.

Uryson E.V., 2011. *Opyt opisaniya semantiki soyuzov: Lingvisticheskie dannye o deyatelnosti soznaniya* [An Attempt to Describe the Semantics of Conjunctions: Linguistic Data on the Activity of Consciousness]. Moscow, Yaz. slav. kultur Publ. 336 p.

Sharonov I.A., Kozodaeva M.A., 2018. Nevezhlivost i «antivezhlivost»: dve misheni rechevogo etiketa [Impoliteness and “Anti-Politeness”: Two Targets of Speech Etiquette]. *Vezhlivost i antivezhlivost v yazyke i kommunikatsii.* [Politeness and Anti-Politeness in Language and Communication]. Moscow, ROSSPEN Publ., pp. 292-299.

Shatunovskiy I.B., 2016. *Rechevye deystviya i deystviya mysli v russkom yazyke* [Speech Acts and Acts of Thought in Russian]. Moscow, Yaz. slav. kultur Publ. 477 p.

Shcherbinina Yu.V., 2006. *Verbalnaya agressiya* [Verbal Aggression]. Moscow, KomKniga Publ. 355 p.

Brown P., Levinson S.D., 1987. *Politeness: Some Universals in Language Usage.* Cambridge, Cambridge University Press. 345 p.

Lakoff R., 1973. The Logic of Politeness, or, Minding Your P's and Q's. *Papers from the Ninth Regional Meeting of the Chicago Linguistics Society.* Chicago, s.n., pp. 292-305.

Leech G.N., 1983. *Principles of Pragmatics.* London, New York, Longman. 250 p.

Scollon R., Scollon S., 1983. Face in Inter Ethnic Communication. *Language and Communication.* London, Longman, pp. 156-188.

Scollon R., Scollon S., 2001. *Intercultural Communication. A Discourse Approach.* Oxford, Blackwell Publisher Ltd. xiv, 316 p.

SOURCE

Natsionalnyy korpus russkogo yazyka [Russian National Corpus]. URL: <https://ruscorpora.ru/>

Information About the Author

Galina I. Kustova, Doctor of Sciences (Philology), Chief Researcher, Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia, galinak03@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9404-081X>

Информация об авторе

Галина Ивановна Кустова, доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, г. Москва, Россия, galinak03@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9404-081X>